

А. С. Пученков

Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев)

Мемуаристика¹ и исследовательская литература², посвященные августовскому путчу и другим знаковым событиям 1991 г., поистине необъятны; подсчитать хотя бы приблизительное количество публицистических заметок, посвященных событиям 19–21 августа, не представляется возможным. В этом нет ничего удивительного: в новейшей истории России сложно найти событие, которое повлияло бы на дальнейшую судьбу страны больше, чем странная акция ГКЧП.

В основу данной статьи легли обширная мемуарная литература и периодическая печать, а также неопубликованные архивные материалы и показания участников событий, среди которых выделяются интервью А. С. Грачева, А. Я. Дегтярева, А. С. Дзасохова, В. Н. Игнатенко, В. В. Калашникова, В. А. Михайлова и других, нашедших желание и время встретиться с автором этих строк. По вполне понятным причинам августовский путч еще не успел в полной мере стать историей, с одной стороны, во многом ускорив и предопределив распад Союза, а с другой — являясь важным эпизодом в жизни миллионов людей. В интригу путча оказались вовлечены — по своей воле или против нее — десятки людей, занимавших в ту пору высшие посты в советском государстве; некоторые из них сохраняют определенное политическое

*Пученков
Александр
Сергеевич*
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

влияние и сегодня, хотя и не любят вспоминать далекие перипетии лета 1991 г. Вероятно, за прошедшие с 1991 г. почти тридцать лет перед нами — свидетелями и участниками тех событий — показалась лишь верхушка айсберга под названием ГКЧП. Отсюда — возможные неточности в оценках и в изложении фактов, в данном случае позволительные для автора, который в силу возраста не был участником тех событий.

Непосредственными последствиями трех августовских дней 1991 г. стали срыв подписания нового Союзного договора, катастрофический обвал центральных союзных структур и утрата Президентом СССР М. С. Горбачевым реальных рычагов власти. Помимо этого, августовская победа демократического лагеря во главе с Б. Н. Ельциным привела к демонтажу партийных структур, приостановлению деятельности КПСС, обвиненной в причастности к действиям ГКЧП. Генеральный секретарь компартии М. С. Горбачев поспешил отказаться от своего поста, позднее заявив, что руководство партии предало генсека, фактически переложив ответственность за политический крах КПСС на членов ЦК, не пожелавших размежеваться с путчистами. Как все происходило на самом деле?

К весне 1991 г. Горбачев находился на грани отставки: политика лавирования между правокоммунистическим и демократическим лагерями привела Президента СССР к тому, что его поддержка сократилась до минимума. В этой ситуации Горбачеву, казалось бы, удалось выйти из политического пике, чему способствовали результаты Всесоюзного референдума 17 марта, на котором ставился вопрос о существовании обновленного Советского Союза. Горбачев шел ва-банк: в случае отрицательного ответа на вопрос референдума о сохранении СССР Президенту страны не оставалось бы ничего другого, кроме как уйти в отставку. О готовности оставить пост генсека в случае отрицательного голосования граждан Горбачев откровенно говорил в присутствии своего помощника А. С. Черныева³. «Раз взялись за реформирование Союза — поскорее заключить новый Союзный договор, перераспределить полномочия... Надо идти по пути распределения полномочий, обеспечения реального суверенитета в рамках обновленного Союза. Эта цель достижима. Уверен, что люди 17 марта на референдуме выскажутся именно за это. Те, кто хочет поставить референдум под сомнение и даже пойти вопреки воле народной, ставят под сомнение формулу референдума: она-де сложная, непонятная, давайте ее упростим... А что там непонятного? Речь идет об СССР, об обновленной федерации суверенных государств-республик, о том, чтобы всем народам, всем гражданам, какой бы национальности они ни были и где бы ни проживали, гарантированы Конституцией, Союзным договором равные права и возможности», — заявил М. С. Горбачев по поводу референдума⁴.

17 марта 1991 г. состоялся первый в истории страны Всесоюзный референдум. Из пришедших на избирательные участки советских граждан 76,4 % ответили «Да» на предложенный к ответу вопрос референдума «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»⁵.

Как сам референдум, так и формулировка вопроса, предложенного на нем, имели немало недостатков; достаточно сказать, что референдум бойкотировали 6 из 15 союзных республик (республики Прибалтики, Армения, Грузия и Молдавия), не видевших свое будущее в составе реформированного Союза, а лидер Армении Л. А. Тер-Петросян прямо говорил о том, что воспринимает референдум как «чисто пропагандистскую акцию центра для укрепления своей власти»: «В реальной жизни это абсолютно ничего не изменит. Сегодня ни одна из республик не откажется от своих завоеваний, что совершенно не учитывается центральными властями»⁶. Всесоюзный референдум проходил в условиях фактического признания властями невозможности сохранения СССР как союзного государства, состоящего из 15 республик.

Несомненно, референдум был своевременным и чрезвычайно сильным политическим маневром М. С. Горбачева⁷; его результаты окрылили президента⁸, отразив объективное стремление большинства граждан Советского Союза к сохранению единого государства⁹. Позиции президента СССР укрепились. «Думаю, без этого голосования не могло быть и встреч в Ново-Огареве, разрядивших на время обстановку в стране и создавших предпосылки для преодоления кризиса», — обоснованно утверждает М. С. Горбачев¹⁰. Благодаря результатам референдума начался многомесячный Новоогаревский процесс¹¹, в ходе которого Горбачев продемонстрировал исключительное искусство политического лавирования, добившись большого количества промежуточных тактических побед.

Ю. М. Батулин сравнил Новоогаревский процесс с политическими шахматами¹², ставкой в игре была судьба огромного государства, что в равной степени осознавали все участники этой удивительной партии, результат которой определился лишь в самом конце 1991 г., когда один из игроков — Горбачев — признал поражение, а вместе с его падением прекратил существование и Советский Союз. Ничто из этого не было предопределено в апреле 1991 г.; напротив, казалось, что союзный Президент успешно навязывает свою волю лидерам республик, вынужденным искать компромисса с Горбачевым¹³.

23 апреля 1991 г., за сутки до начала работы Пленума ЦК КПСС, Горбачеву удалось собрать в Ново-Огареве руководителей девяти союзных республик и побудить их признать заключение нового Союзного договора первоочередной задачей. В переговорах приняла участие и Украина, лидер которой, Л. М. Кравчук, откровенно пояснил в воспоминаниях свою позицию: «Несмотря на то что Горбачеву, безусловно, были присущи противоречивость и непоследовательность, он представлял собой залог относительной демократии на советской территории. Реакционные силы, которые рвались к власти, были намного опаснее. Поэтому в интересах участников “новоогаревских” переговоров (подавляющее большинство из нас небезосновательно надеялись на быстрое и бескровное обретение нашими республиками независимости) было поддержать Горбачева»¹⁴.

В результате было подписано знаменитое общее заявление «9+1»: девять республик и центр в лице Президента СССР начали работу над текстом нового договора. В сложной для Горбачева ситуации республики сочли наиболее

выгодным для себя поддержать союзного президента. «Так называемое заявление “9+1”, обнародованное перед самым началом работы Пленума, укрепило позиции Горбачева, фактически спасая его от достаточно реальной угрозы отставки с поста генерального секретаря КПСС. Приход к власти консервативных кругов и связанную с этим угрозу большевистского реванша удалось предотвратить», — вспоминал Л. М. Кравчук¹⁵.

Заявление «9+1» имело широкий резонанс в стране и вселяло определенные надежды на скорую стабилизацию обстановки в Советском Союзе¹⁶. По словам Президента Казахской ССР Н. А. Назарбаева, данное общее заявление стало «мощной базой для сохранения государства: в этих республиках сосредоточено 90 % экономического потенциала страны... на основе этого заявления и будет заключен Союзный договор»¹⁷. Результаты мартовского референдума давали Горбачеву политическую и юридическую возможность быстро заключить новый Союзный договор. Однако уже на первых заседаниях Новоогаревского процесса стало ясно, что Ельцин не даст его подписать до выборов президента РСФСР, назначенных на 12 июня¹⁸. В окружении Ельцина осознавали, что его конфронтация с Горбачевым не закончилась, а «“9+1” — это просто перемирие»¹⁹. Справедливости ради нужно сказать о том, что вплоть до августовского путча наблюдалась тенденция к установлению определенного статус-кво в отношениях между двумя влиятельнейшими политиками: «Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, — писал в воспоминаниях Б. Н. Ельцин, — что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачев сохранял свое старшинство, я — свою независимость. Это было идеальное решение для обоих»²⁰. Роль посредника в отношениях между центром и республиками играл последовательный сторонник сохранения единого государства — мудрый и осторожный политический тяжеловес Н. А. Назарбаев, имевший прекрасные отношения как с Ельциным, так и с Горбачевым. На конфиденциальной встрече в Ново-Огареве, участниками которой были Ельцин, Назарбаев и Горбачев, по предложению Ельцина на пост президента союзного государства было решено выдвинуть М. С. Горбачева, а на роль премьер-министра Союза — Н. А. Назарбаева. В ответ Горбачев обещал убрать из руководства страны вице-президента СССР Г. И. Янаева, министра внутренних дел Б. К. Пуго, министра обороны СССР Д. Т. Язова, председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, руководителя Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко. По сути, Горбачев сдавал свою прежнюю команду в обмен на сохранение за ним высшей должности в стране. В разгар разговора Ельцин забеспокоился, почувствовав, что сверхсекретная беседа записывается КГБ. Интуиция не подвела президента России. Быть может, «эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года», — писал Ельцин²¹. Кроме того, на закрытой встрече Горбачева, Назарбаева и Ельцина было принято решение начать процесс подписания договора уже 20 августа. «Перенос срока позволял поставить Верховный Совет СССР перед фактом и избежать протеста против компромиссного текста, согласованного тремя лидерами 29 июля. А протест был неизбежен, поскольку уже название нового союза — Союз Советских Суверенных Республик — прямо нарушало волю народа, проголосовавшего за прежнее название — Союз

Советских Социалистических Республик. Сменой названия устранялась базовая характеристика государственного строя как социалистического. Термины «социализм», «социалистический» в тексте договора не употреблялись. Юридически авторы текста не имели права изменить название государства, закрепленное референдумом. Итоги союзного референдума имели обязательную силу», — пишет петербургский историк В. В. Калашников²² (в июле — августе 1991 г. — секретарь ЦК КПСС). В беседах с автором этих строк историки Р. А. Медведев и В. В. Калашников (в 1991 г. — члены ЦК КПСС) подчеркивали, что Горбачев не использовал тех законных прав, которые давали ему итоги Всесоюзного референдума: он должен был немедленно после подведения итогов референдума вводить чрезвычайное положение и добиваться, опираясь на результаты всенародного голосования, скорейшего подписания нового Союзного договора²³. Советский лидер, в свою очередь, прибегнул к излюбленной тактике «кунктатора», обрекая себя на последующий провал.

Видимым изъяном нового Союзного договора было согласованное в Ново-Огареве название государства: Союз Советских Суверенных (а не социалистических!) Республик. По поводу названия шли долгие споры, в итоге саму аббревиатуру «выбрали скорее из принципа благозвучия, а не содержания»²⁴. Уже одно это беспокоило как партийную элиту, так и Верховный Совет СССР, призывавших участников переговоров учитывать результаты Всесоюзного референдума, подтвердившего решимость сохранить Союз Советских *Социалистических* республик. Был ли Новоогаревский процесс «неконструктивным», а предложенный к подписанию проект Союзного договора — «плохим, противоречивым», как считает Р. И. Хасбулатов²⁵, или же, как убежден помощник Горбачева В. К. Егоров, это была отчаянная «попытка исправить колоссальную ошибку 1922 г. — заложенное в то время деление страны по национальным квартирам, а не по административно-территориальному признаку»²⁶, — определить крайне трудно. Позиция Председателя Президиума Верховного Совета А. И. Лукьянова, которого Горбачев, по его словам, «за волосы тянул вверх» и считал «серым кардиналом» будущего ГКЧП²⁷, была достаточно логична: Лукьянов утверждал, что в наименовании и основных принципах Договора необходимо отразить «результаты Всесоюзного референдума, в ходе которого абсолютное большинство граждан страны поддержало сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик»²⁸; позицию Лукьянова разделял и Верховный Совет СССР. У Верховного Совета, в свою очередь, вызывало недоумение, почему Президент с определенного момента фактически отстранил высший орган советской власти от участия в подготовке договора²⁹ и не уведомляет Верховный Совет об изменениях в тексте договора, внесенных участниками Новоогаревского процесса. «Тот текст договора, который был подготовлен к подписанию 20 августа, не имел ничего общего с тем, который готовился нами изначально. Это была личная корректировка Михаила Сергеевича. Мы были не согласны с этим, это была позиция не только Лукьянова, но и коллективная позиция Верховного Совета», — вспоминает профессор Г. В. Атаманчук, возглавлявший работу экспертов по проекту Союзного договора в Верховном

Совете СССР³⁰. Вероятно, иллюстрацией взглядов консервативного крыла КПСС можно назвать обращение Пленума Тюменского обкома КПСС в Верховный Совет СССР, в котором было высказано недоумение по поводу нового названия будущего государства — Союз Советских Суверенных республик. «Из названия страны исключено слово “социалистический”, что противоречит итогам референдума СССР... Пленум обкома КПСС считает, что попытка изменить название государства является антинародным актом, игнорирующим волю граждан о социалистическом выборе и обращается в Верховный Совет СССР с предложением сохранить название Союза»³¹. Все эти сигналы доходили и до Горбачева, однако Президент СССР продолжал неуклонно проводить свою линию, ориентированную на скорейшее подписание нового Союзного договора, невзирая ни на какие препятствия даже юридического толка.

Сверхзадачу нового Союзного договора Горбачев выразил в формуле «сильный Союз — сильные республики»³². Президент СССР «сам возглавлял процесс разработки нового Союзного договора»³³. К подготовке документа он привлек лучших экспертов — З. А. Станкевича, Ю. М. Батурина, А. А. Сазонова, В. Н. Кудрявцева, которые подготовили разные варианты проектов Союзного договора³⁴. Состав экспертов был крайне узким; по старой партийной традиции, закончив основные занятия, Горбачев вечером лично просматривал наработки, которые эксперты успевали сделать за день. Подготовку Союзного договора Горбачев полностью замкнул на себе и своем аппарате. О том, как проходят переговоры в резиденции союзного президента, не имели представления ни в ЦК КПСС, ни в Совете безопасности, ни в Политбюро. Горбачев сделал это абсолютно сознательно: президент и генсек в одном лице, он желал поставить своих подчиненных по партийному и государственному аппарату в известность лишь после подписания соглашения; при этом Михаил Сергеевич особо оговаривал, что выступает «в Ново-Огареве как президент», а не как Генеральный секретарь³⁵. В сложнейших и крайне напряженных переговорах Президент СССР, по словам В. В. Бакатина, «демонстрировал нечеловеческое терпение»³⁶, вновь и вновь возвращаясь к обсуждению различных спорных пунктов Союзного договора. Партия от участия в Новоогаревском процессе была отстранена. До высокопоставленных цековских работников доходили лишь неясные слухи о том, что Горбачев на переговорах уступает инициативу республикам³⁷; конкретного представления как о перипетиях переговоров, так и о содержании согласованного лидерами республик и готового к подписанию проекта нового Союзного договора в ЦК КПСС не имели³⁸, отношение ЦК КПСС к Новоогаревскому процессу было «резко отрицательным»³⁹.

Доходило и до поистине трагикомических ситуаций: так, секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро А. С. Дзасохова с проектом готового к подписанию Союзного договора «по старой дружбе и конфиденциально» ознакомил глава аппарата Президента СССР Г. И. Ревенко⁴⁰.

Кураторами работ по подготовке нового Союзного Договора от президентского аппарата были Г. Х. Шахназаров и Г. И. Ревенко. Переговоры шли крайне тяжело: Горбачев с трудом, но сдавал позиции республикам. «Республики играли “первым номером”, поскольку к началу “Новоогаревского процесса”

Центр уже находился в сильно ослабленном состоянии — Горбачев потерял поддержку большинства партии, Съезда нардепов и ВС СССР, значительной части центрального госаппарата, армии, КГБ и правоохранительных органов. Республики же, наоборот, только набирали силу, чему способствовала консолидация местных элит и местной общественности на фоне небывалого национального подъема. Все это не могло не отразиться на ходе переговоров. К тому же свою негативную роль сыграл категорический отказ участвовать в процессе целого ряда союзных республик», — вспоминал З. А. Станкевич⁴¹. По словам Ю. М. Батурина, «после каждой встречи в Ново-Огареве от Союза отпадало что-то существенное... Республики играли на переговорах первым номером»⁴². В чем-то, по убеждению Батурина, новый Союзный договор напоминал «процедуру развода с непроставленным сроком»⁴³.

Каковы будут особенности отношений между центром и республиками, какие прерогативы оставляют за собой центр и президент, а что из компетенций Союза уходит к республикам — оставалось тайной до самого последнего момента. Вероятно, Горбачев, соглашаясь, по определению своего помощника А. С. Черняева, «фактически на свободную конфедерацию»⁴⁴, понимал уязвимость положений Союзного договора, аморфность структур центра в новом государственном образовании, но надеялся в дальнейшем обратить их в свою пользу и наполнить выгодным ему политическим содержанием⁴⁵. Вряд ли можно согласиться с Г. Л. Смирновым, утверждавшим: «В первой половине августа 1991 г. ситуация сложилась таким образом, что процессы вряд ли могли остановиться и пойти вспять. Игра была сыграна. Все, что можно было проиграть, — проиграно»⁴⁶. На наш взгляд, подписание нового Союзного договора все же давало реальный шанс на сохранение единого государства. Начало процедуры подписания нового Союзного договора было запланировано на 20 августа 1991 г. В итоговом виде он «носил очень противоречивый характер, но открывал шанс сохранить союзное государство в составе по крайней мере девяти республик. На основе данного проекта можно было строить как федеративное, так и конфедеративное государство. Все зависело от того, кто и с какими целями будет претворять проект в жизнь», — пишет петербургский историк Р. А. Ялышев⁴⁷. Есть основания полагать, что в этом случае союзное государство в той или иной форме удалось сохранить — с Горбачевым или без него. 15 августа 1991 г. в газете «Правда» был опубликован проект согласованного 23 июля «Договора о Союзе суверенных государств»⁴⁸. «Хреновый сам по себе документ, но надо подписывать, хотя он не блистательный. Если подписываем, то как-то удерживаемся», — так ответил заведующий отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В. А. Михайлов на вопрос секретаря ЦК КПСС О. С. Шенина об оценке опубликованного в печати проекта Союзного договора⁴⁹. «Удержаться» Союзу не удалось — путч обрушил все прежние договоренности между центром и республиками, дорога к демонтажу СССР была открыта.

Однако помимо работы по подготовке нового Союзного договора, за время, предшествовавшее августовскому путчу, прошли два Пленума ЦК КПСС — в апреле и в июле. Особо напряженным был апрельский Пленум, в ходе которого генсек был подвергнут резкой критике.

После избрания Горбачева Президентом СССР в марте 1990 г. Михаил Сергеевич продолжал оставаться и генсеком КПСС — в партийном аппарате при этом нарастало сопротивление линии перестройки. В итоге, по словам В. Н. Игнатенко, занимавшего в 1990–1991 гг., должность пресс-секретаря Президента СССР, отношения партии и ее лидера становились все более напряженными. Горбачев понимал, что воспринимается многими как «полупрезидент-полугенсек». Раздражала Михаила Сергеевича и критика его политики в партийных кругах: «Со Старой площади (Старая площадь, 4 — здание ЦК КПСС. — А. П.) — вспоминает Игнатенко, — Горбачев приезжал весь какой-то постаревший и похужлый»⁵⁰. Количество твердых сторонников Михаила Сергеевича в аппарате ЦК было не столь велико, сопротивление его линии продолжало усиливаться — все это порождало недоверие лидера к собственной партии, определенное стремление дистанцироваться от нее. Горбачев понимал, что опереться на партию в полной мере он не может. В итоге в партийных кругах порой складывалось убеждение, что «президент живет своей жизнью, а партия своей»⁵¹. Весной 1991 г. обе стороны — президент и консервативная часть ЦК — вступили в открытый конфликт.

Апрельский Пленум 1991 г., по словам секретаря ЦК и члена Политбюро А. С. Дзасохова, оказался самым скандальным за все годы перестройки, с самого начала в его атмосфере царило беспрецедентное напряжение⁵². Фактически Пленум, по словам Горбачева, был превращен в «судилище над перестройкой»⁵³, отдельные члены ЦК устроили настоящую «психическую атаку» против генсека⁵⁴, а выступления целого ряда ораторов были продиктованы, по словам А. И. Вольского, стремлением «свести все к персональному делу коммуниста Горбачева», без здравого представления о том, «какие последствия для КПСС, да и для страны в целом наступят за этим»⁵⁵. В разгар одного из выступлений Горбачев прервал оратора и предупредил о том, что он возьмет слово и ответит на критику. Генсек заявил: «Потому что, я думаю, уже подошло время, что я должен сказать. Хватит. Все»⁵⁶. В. А. Ивашко, заместитель Горбачева по партии, видя настроение Михаила Сергеевича, обратился к залу с предложением устроить перерыв «примерно на час-полтора», но был остановлен генсеком. «У меня короткое выступление, — сказал Горбачев, — вы успеете и на перерыв, и пообедать. Я думаю, что нам не надо впадать ни в эмоции, ни во что. Спокойно обсудить ситуацию, как она складывается в партии, и как она проявляется сегодня в ходе работы Пленума Центрального комитета партии. Практически здесь 70 процентов, если не больше, выступивших заявили о том, что сегодня положение такое, что уровень и авторитет Генерального секретаря ЦК КПСС пал до нуля, и что это уже сегодня связано с доверием, а по сути дела, с недоверием, и в таком состоянии, вы понимаете, оставлять человека, который сегодня не пользуется доверием партийной массы, как вы говорите здесь, и я не ставлю это под сомнение, это ваше право, но я принимаю к сведению, так именно здесь прозвучало, я думаю, что оставлять партию в таком состоянии, руководство партии нельзя. Дело не в Горбачеве, ни в ком. Это просто преступно. Поэтому я ставлю вопрос таким образом. Сейчас на этом Пленуме прекратить прения, поскольку все сводится к этому, и решить вопрос

о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Между съездами Пленум должен решить. Потому что раз речь идет об этом, надо решать. Потому что для меня интересы партии, интересы нашего дела великого революционного обновления не менее дороги, чем некоторым тут появившимся в последние две недели на политической арене. И я ставлю выше этого. Поэтому я ставлю вопрос о том, что подаю в отставку. (Аплодисменты)»⁵⁷. По словам присутствовавшего на Пленуме первого секретаря Крымского рескома Л. И. Грача, Горбачев просто «психанул»⁵⁸. Не ожидавший от Горбачева подобного шага его заместитель по партии В. А. Ивашко обратился к делегатам Пленума: «Надо просчитать просто, что может такое заявление означать для партии...», на что Михаил Сергеевич ответил: «Ничего, партия не умрет... Надо решить вопрос так, Владимир Антонович, чтобы не было в Центральном комитете партии вот этого, что происходит у нас каждый Пленум. Значит, когда мы видим, что у нас уже тут две-три-четыре партии. Нужно найти фигуру, которая бы получила полное доверие. В таком состоянии Генеральный секретарь не может работать. И партия не может в таком состоянии...»⁵⁹. В сбивчивой и путаной речи Горбачева явно сквозили нотки обиды, что генсек и не пытался скрывать. По словам помощников Горбачева Г. С. Остроумова и В. К. Егорова, Михаил Сергеевич был абсолютно искренен в этот момент: есть предел человеческому и эмоциональному терпению⁶⁰, генсек безумно устал от ситуации, в которой ему необходимо было беспрестанно преодолевать сопротивление партийного аппарата⁶¹, его просто «довели», как полагал свидетель событий член ЦК А. В. Бузгалин⁶². «Выслушав очередную злобную речь, Горбачев объявил об отставке. Мы повскакивали с мест и кинулись в зал... Мы проходили к своим местам перед президиумом, и я видел еще не остывшее от возбуждения красное лицо Горбачева — никогда прежде я не видел его до такой степени выведенным из равновесия. И когда потом меня много раз спрашивали, не было ли заявления об отставке заранее обдуманной инсценировкой, я уверенно отвечал: нет, не было. Конечно, опытный политик, видя нараставшее перед пленумом напряжение, не мог не обдумывать возможность и такого поворота событий, но заранее обдуманного решения у него явно не было, это был спонтанный выкрик», — вспоминал член ЦК О. Р. Лацис⁶³.

Ошарашенный демаршем своего лидера, ЦК взял паузу на раздумья: заместитель генсека В. А. Ивашко объявил двухчасовой перерыв. Члены ЦК разбрелись по отдельным группам, обсуждая, что делать, при этом никакой альтернативы Горбачеву даже в разговорах не выдвигалось⁶⁴. За время перерыва 72 члена Центрального комитета, бывшие приверженцами Горбачева, официально подали в президиум записку, где заявили, что если пленум примет отставку, то они выйдут из состава ЦК⁶⁵. Назревал раскол в составе партии⁶⁶. Все это время партия фактически была без лидера⁶⁷, а ближайшие к Горбачеву члены Политбюро В. А. Ивашко и А. С. Дзасохов успокаивали Михаила Сергеевича⁶⁸. По словам Дзасохова, никто всерьез не думал, что Горбачев уже ушел в отставку: генсек «просто подвесил ситуацию»⁶⁹, прекрасно зная, что Пленум ЦК по уставу не имел права отстранить генсека, которого напрямую избрал съезд партии. Снятие генсека в нарушение устава автоматически вело к рас-

колу. Чем же был так опасен раскол ЦК? По утверждению члена ЦК В. В. Калашникова, раскол КПСС «развязывал Ельцину руки без всякого ГКЧП. Две или три новые партии стали бы делить имущество прежней КПСС, вести войну “компроматов” и т. д. Это привело бы к массовому выходу рядовых коммунистов из КПСС, и в той ситуации они бы не вступили в новые партии. А главное — все компартии союзных республик ушли бы в “свободное плавание”. Поэтому я и говорил на пленуме, что ЦК не должен делать шагов, способных спровоцировать раскол. Надо было учиться бороться в рамках реальной многопартийности, а не валить все на генсека»⁷⁰.

Несмотря на критику — как объективную, так и нет, — Горбачев все же был той фигурой, которая до некоторой степени цементировала партийные комитеты союзных республик. К тому же коммунист Горбачев был Президентом всего Советского Союза, что в условиях возраставшей непопулярности партии позволяло ей оставаться на плаву в качестве фактически, но не юридически (после отмены ст. 6 действовавшей Конституции СССР), правящей партии, продолжавшей контролировать основные командные высоты — КГБ, армию, правительство. Большинство членов ЦК понимали, что следующий президент страны, вероятнее всего, не будет коммунистом. Поэтому в апреле 1991 г. в партийной элите были сильны и позиции тех, кто считал, что надо «бороться за Горбачева и его всесоюзный и мировой политический авторитет»⁷¹. Член ЦК А. В. Бузгалин, вспоминая апрельский Пленум, писал: «Тайну силы Горбачева очень точно определил на одном из совещаний в партийных верхах кто-то из секретарей ЦК (по-моему, Ивашко, но не помню точно): если Вы (имелись в виду противники соединения поста генсека и президента в одном лице) отстраните Горбачева от руководства партией, Вас же завтра никто в Кремль не пустит! Похоже, что едва ли не в первую очередь именно этого — последней опоры партийной номенклатуры — президента-генсека, побоялись на Пленуме те, кто жаждал его отставки»⁷². Член ЦК КПСС И. М. Шабанов, отнюдь не сторонник Горбачева, писал: «Правда... в том, что, уйдя с поста генсека, Горбачев оставался Президентом, носителем реальной власти. Партия же в конкретно-исторических условиях весны 1991 г. становилась обреченной, мнимой, но не реальной силой, способной остановить уже грозно зримое уничтожение страны... Конечно, партии от Горбачева надо было освободиться до марта 1990 г., до избрания его Президентом»⁷³.

Горбачев сохранил за собой пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Непосредственным результатом апрельского кризиса и демарша Горбачева стало укрепление позиций в партии ее Генсека, хотя, как справедливо констатировал сразу после Пленума сторонник Михаила Сергеевича В. В. Калашников, «кредит доверия в партии к Генеральному секретарю и ЦК КПСС в целом на пределе»⁷⁴.

20 июля 1991 г. был опубликован указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о «департизации», фактически изгонявший партийные организации из государственных структур России. Положение партии становилось более чем двусмысленным. Отменить указ Ельцина мог только Горбачев, однако Президент СССР понимал, что судьба Союзного договора в огромной степени зависела от позиции российского лидера, и никаких ответных действий не предпринимал.

По словам помощника Горбачева А. С. Черняева, «М. С. предпочел не ставить под удар новоогаревский курс»⁷⁵. Указ Ельцина, несомненно, способствовал сплочению партии вокруг фигуры генсека: партийной элите стало ясно, что защитить ее положение может только Горбачев⁷⁶. За два дня до начала работы очередного Пленума ЦК КПСС в «Советской России» было опубликовано составленное А. А. Прохановым и подписанное рядом известных деятелей консервативного направления «Слово к народу», оповещавшее страну о том, что СССР «погружается во тьму и небытие»⁷⁷. В окружении Президента СССР «Слово» было воспринято как сигнал к началу атаки правых на Горбачева⁷⁸ и впоследствии стало идеологическим манифестом ГКЧП. Обстановка в стране накалялась.

Несмотря на это, Пленум ЦК КПСС 25–26 июля 1991 г. проходил в деловой и конструктивной манере, появилось «почти забытое в этом зале чувство партийного товарищества, которое нарушалось лишь отдельными репликами и только двумя-тремя выступлениями»⁷⁹: антигорбачевские настроения, по крайней мере наружно, уже не выплескивались так, как это было тремя месяцами ранее. Конечно, никакого благодушного настроения в зале не было, «напряжение было загнано внутрь», но противники генсека предпочитали молчать, не высказывая открыто неприятие политики Горбачева⁸⁰. «Этот Пленум ЦК КПСС, последний в ее многолетней истории, состоялся в самом конце июля и оказался отчаянной попыткой вывести партию из состояния энтропии», — вспоминал секретарь ЦК КПСС А. С. Дзасохов⁸¹. По словам помощника Горбачева А. С. Черняева, Михаил Сергеевич работой Пленума остался доволен⁸². На заседании 26 июля 1991 г. Михаил Сергеевич призвал товарищей по партии к спокойствию, подчеркнув, что будет принимать меры для противодействия указу Президента РСФСР о департизации: «[Это] включает в себя все шаги вплоть до указа Президента. Тут у вас сомнений не должно быть»⁸³. «Сохраняйте спокойствие [и передайте эти слова] всем товарищам партийцам, которые работают у нас в стране в партии»⁸⁴. В свою очередь, член ЦК А. С. Грачев призвал партию к подлинной консолидации и объединении вокруг новой Программы партии и линии Горбачева: «Мне бы не хотелось дожидаться того, чтобы словосочетание КПСС расшифровывалось как Консервативная Партия Советского Союза, потому что в этом случае место реформистов действительно займут радикалы»⁸⁵. Слова Грачева оказались поистине пророческими, что показал уже ближайший месяц.

Избранные на июльском Пленуме секретарями ЦК И. И. Мельников и В. В. Калашников в интервью партийному официозу газете «Правда» высказали твердое убеждение в том, что КПСС необходимо «в кратчайший срок завершить подготовку проекта Программы партии», «оставить свои амбиции, настойчиво искать правильную политику», прийти «к согласию, действовать вместе»⁸⁶, а деятельность Центрального комитета должна быть подчинена «главной цели» — подготовке к внеочередному партийному съезду, намеченному на ноябрь — декабрь 1991 г.⁸⁷

Программная комиссия ЦК КПСС, в рядах которой выделялись А. Я. Дегтярев, В. В. Калашников, А. С. Дзасохов, В. В. Рябов, В. А. Медведев⁸⁸, работавшая, по словам Дегтярева, в условиях «пожара»⁸⁹, завершила работу над

проектом новой программы партии, лозунгом которой стали слова «Социализм, Демократия, Прогресс». Проект был опубликован в газете «Правда» 8 августа 1991 г.⁹⁰ Он позволял КПСС плавно трансформироваться в социалистическую партию, от которой на предстоящем съезде могло отколотся ортодоксальное крыло⁹¹.

Программа была очень сильным и сбалансированным документом, адаптированным к условиям новой политической реальности — многопартийности и плюрализму. С новой программой партия получала возможность сохраниться в качестве влиятельнейшей политической силы в стране⁹². «Социал-демократизация КПСС»⁹³, по мысли Горбачева, отвечала логике развития не только самой партии, но и истории нашего государства. Можно гадать о том, как сложился бы для Горбачева XXIX съезд партии, если бы он состоялся. Остался бы Михаил Сергеевич генеральным секретарем партии, как предполагает А. С. Дзасохов⁹⁴, или нет — важно другое: акция ГКЧП, целью которой было возвращение КПСС доминирующего положения в советском обществе, привела к прямо противоположному результату — удалению КПСС из политического поля на несколько лет и развалу единой страны.

С момента августовских событий 1991 г., перевернувших не только нашу страну, но и в какой-то мере весь мир, прошло более четверти века. На многие вопросы, связанные с путчем, мы, вероятно, так и не получим ответа. Очевидно лишь одно: путч, обрушивший союзное государство, можно было предотвратить. В этом был убежден и помощник Президента СССР А. С. Черняев. По его мнению, «не уйди Горбачев в отпуск, то и путча не было»⁹⁵. Аналогичной точки зрения придерживаются и секретарь ЦК КПСС В. В. Калашников, и пресс-секретарь Горбачева В. Н. Игнатенко. Оба они подчеркивают, что Горбачев удержал бы власть, если бы не его отъезд в Крым и последующий путч; и Калашников, и Игнатенко заявляют о крайней усталости как самого Горбачева, так и его команды, большая часть которой ушла в отпуск вместе со своим шефом⁹⁶. Признает, что его уход в отпуск был крайне несвоевременен, и сам Горбачев⁹⁷. Накануне отпуска он производил впечатление смертельно усталого, но довольно собой человека. По словам А. А. Бессмертных, занимавшего в то время должность министра иностранных дел СССР, у Михаила Сергеевича появилось ощущение, что «большая работа сделана, распад приостановился и можно отдохнуть»⁹⁸. Отпуск этот сыграл роковую роль в судьбе страны — отсутствие президента в Москве во многом спровоцировало выступление ГКЧП.

После заточения в Форосе, в ночь с 21 на 22 августа М. С. Горбачев вернулся в Москву. Как искренний оптимист, он надеялся, что наиболее тяжелые испытания уже позади. Вместе с тем Президент СССР вернулся в страну, в которой он уже не обладал реальной властью: фактически за три дня путча центр обвалился. Прозорливый В. А. Медведев, отправившийся вместе с помощником Президента СССР О. И. Ожерельевым в аэропорт встречать Горбачева, пророчески сказал: «Путч — это конец Горбачева как президента. Завершение его карьеры»⁹⁹. Жестче высказался по этому поводу В. В. Рябов (в августе 1991 г. — заведующий гуманитарным отделом ЦК КПСС): «Горбачев, спускаясь с трапа самолета в Москве после возвращения из Фороса, не знал,

что он уже не президент в глазах народа, и не генсек в глазах ЦК»¹⁰⁰. Вряд ли это понимал сам Горбачев. «Горбачев свой уход не предчувствовал. Он вообще считал себя всесильным. Не верил, что его могли прослушивать. Думал, что росчерком пера остановит любые события», — вспоминал глава пресс-службы Президента СССР В. Н. Игнатенко¹⁰¹. Горбачеву, однако, пришлось столкнуться с новыми правилами игры: отныне Президент Советского Союза не был полностью свободен в своих решениях, в значительной степени завися от воли Ельцина. «С августа до момента отставки Горбачева у нас с ним состоялось примерно восемь-десять встреч. Не знаю, понимал ли он сам, насколько изменился к тому времени характер наших отношений. Я сказал ему: “У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной”. Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было. От жесткой последовательности моей позиции зависело все», — вспоминал российский президент¹⁰², в директивной форме потребовавший от Горбачева отказаться от уже сделанных им назначений — министра обороны СССР М. А. Моисеева и председателя КГБ СССР Л. В. Шебаршина¹⁰³. Сразу после этого Б. Н. Ельцин и Р. И. Хасбулатов пригласили Горбачева в Белый дом на шедшую уже второй день внеочередную сессию Верховного Совета РСФСР. Вероятно, Горбачев ожидал триумфальной встречи, хотя момент для такой встречи он упустил — депутаты, взвинченные до предела за время осады российского парламента, ожидали, что Михаил Сергеевич поедет в Белый дом сразу после посадки его самолета во «Внуково-2», чтобы засвидетельствовать народным избранникам свою признательность. Демократический лагерь воспринял бы это в качестве своеобразной клятвы верности Горбачева тем идеалам демократии, которые парламентарии сумели отстоять в дни путча. Однако Президент СССР не поехал в Белый дом, сославшись на нездоровье жены. Депутатами это было воспринято как проявление неуважения к подвигу защитников демократии, демонстративное размежевание с ними, черная неблагодарность; аргументация Горбачева ни в какой мере не могла их устроить. Этим и объяснялась обструкция, которую устроил Президенту Союза депутатский корпус России¹⁰⁴.

Для Горбачева такое отношение стало абсолютной неожиданностью. «Он почему-то считал, что депутаты должны его встретить как героя, не понимая, что именно российские депутаты вели себя как герои, спасая все наши и в том числе и его жизни... А ведь я ему говорил прямо перед этим заседанием: “Михаил Сергеевич, эти депутаты — не ваши союзные, они будут задавать Вам очень жесткие вопросы. Ельцин сидел и хитро улыбался, он-то знал, как депутаты встретят Горбачева”», — вспоминал Р. И. Хасбулатов¹⁰⁵.

Вся страна увидела по прямой телевизионной трансляции, как выступление Президента СССР постоянно прерывалось репликами с мест, а в конце концов превратилось в унижительный допрос, руководимый лично Ельциным, который был подлинным триумфатором и победителем тех дней¹⁰⁶. «Б. Н. Ельцин откровенно и с удовольствием издевался над Горбачевым, а тот, не в силах ничего сделать и не зная, как себя вести, вел себя как нашкодивший мальчишка,

униженно принимая отношение Ельцина как должное», — вспоминал депутат Верховного Совета РСФСР М. Б. Челноков¹⁰⁷. По словам Хасбулатова, «Ельцин публично мстил Горбачеву за все унижения... С того момента Горбачев фактически стал пленником у Ельцина»¹⁰⁸. По словам народного депутата РСФСР В. Л. Шейниса, «зрелище это было ужасное и омерзительное, депутатская кодла буквально визгом встречала Горбачева»¹⁰⁹, за депутатов было «стыдно-вато», — прибавлял его коллега М. Н. Толстой¹¹⁰. «В Ельцине говорила мстительность», — утверждал С. М. Шахрай, входивший в состав политической команды первого Президента России¹¹¹. В свою очередь, Г. Э. Бурбулис, бывший в ту пору вторым человеком в российском руководстве, признавал, что Ельцин вел себя в тот момент «некорректно» по отношению к Горбачеву¹¹².

Демонстративное унижение, которому Ельцин подверг Горбачева, показало всей многомиллионной стране, что власти у союзного президента больше нет; в те минуты, когда Горбачев находился на «допросе» у Ельцина и российских депутатов, страна увидела, что «СССР де-факто уже не существует», — вспоминал главный редактор крупнейшей оппозиционной «Независимой газеты» В. Т. Третьяков¹¹³. «Для разрядки» сложившейся ситуации Ельцин подписал указ о приостановлении деятельности российской компартии как политической силы, задействованной в путче.

В дни путча ЦК КПСС не сумел проявить себя как инициативная сила и размежеваться с заговорщиками. Более того: Секретариат ЦК КПСС вплоть до 21 августа *публично* не ставил вопрос о необходимости встречи со своим лидером — Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Лишь 22 августа в партийной газете «Правда» было опубликовано заявление Секретариата ЦК КПСС, в котором содержался призыв к проведению срочного Пленума ЦК КПСС «с неизменным участием Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева»¹¹⁴.

Странная пассивность ЦК КПСС в дни путча объяснялась целым рядом причин. Так, секретарь ЦК О. С. Шенин, деятельно поддержавший ГКЧП, был оставлен самим Горбачевым, как принято было говорить в партии, «на хозяйстве», т. е. фактически волей самого генсека был определен в качестве полномочного лица, в обязанность которого входило определять стратегию ЦК вплоть до момента возвращения Михаила Сергеевича в Москву. Утром 19 августа на заседании Секретариата ЦК Шенин заявил, что Горбачев очень болен и ему трудно принимать решения, заверив присутствовавших в том, что «ни один волос не упадет с головы генсека»; при этом уже сам состав списка членов ГКЧП — ближайших доверенных лиц Горбачева — вызвал у большинства секретарей ЦК мысль о том, что все делается по благословлению генсека¹¹⁵. «Вся информация, — утверждает В. В. Калашников, — была построена так, что у меня не осталось сомнения: команда президента делает “грязную работу” с негласного согласия или “полусогласия” Горбачева»¹¹⁶. Кроме того, разговоры о введении чрезвычайного положения велись с весны 1991 г., но «никому и в голову не могло прийти, что это будет делаться без санкции Президента; напротив, все, включая того же Бакланова, ожидали, что именно Президент и введет чрезвычайное положение»¹¹⁷. Именно поэтому, когда на заседании

Секретариата ЦК был зачитан список членов ГКЧП, работники партийного аппарата поначалу и решили, что все делается с ведома Горбачева¹¹⁸. В. В. Калашников вспоминает: «Все дни ГКЧП и я, и все секретари ЦК пребывали в уверенности, что все делается с ведома Горбачева»¹¹⁹. Шенин уклонялся от ответов, когда его просили прояснить ситуацию с Горбачевым, хотя дал понять, что знает намного больше, чем остальные секретари ЦК¹²⁰. Словом, Шенин настолько искусно построил свое сообщение, что особой обеспокоенности за судьбу лидера у секретарей ЦК не должно было возникнуть. По утверждению секретаря ЦК КПСС А. С. Дзасохова, Шенин сознательно «дезинформировал секретарей ЦК, не обладавших даже десятой долей той информации о планах ГКЧП, которой обладал Шенин, и вынужденных полагаться на достоверность его сообщения». Как следствие, секретариат ЦК допустил поистине роковую ошибку, не сформулировав сразу своего отношения к путчу¹²¹. Впоследствии это дало повод обвинить секретариат ЦК в фактической поддержке ГКЧП¹²². По мнению высокопоставленного работника ЦК А. Я. Дегтярева, О. С. Шенин своим поведением в дни путча «зарезал» партию, дав повод обвинить ее в организации государственного переворота¹²³.

Выступая перед секретарями ЦК, Шенин подчеркивал, что ГКЧП представляет государство, а не партию. Впоследствии, уже после ареста, Шенин категорически отрицал то, что «в ЦК хоть какая-то структура работала... на режим чрезвычайного положения или на ГКЧП»¹²⁴.

Заместитель генсека и второй человек в партии В. А. Ивашко еще не оправился от недавно перенесенной тяжелой хирургической операции. По природе своей крайне осторожный человек, он решил выждать и не созывать внеочередной Пленум ЦК КПСС. «Время, история рассудят, прав ли я был тогда или нет, но я сразу же пришел к выводу, что собирать пленум в этой обстановке — непоправимая ошибка. У меня перед глазами еще стоял апрельский Пленум, на котором (вы, наверное, помните) М. С. Горбачев ставил вопрос о своей отставке. Я председательствовал на этом Пленуме, там остался хороший кусок моей жизни, и впечатления были еще живы. Я отчетливо себе представил, что Пленум сразу же поставит вопрос: “Где генеральный секретарь?” На этот вопрос я, естественно, ничего вразумительного ответить не мог, тем более что пошли уже всевозможные слухи. Даже сам факт созыва пленума без генерального секретаря означал бы своего рода переворот в партии. Так можно ли было в такой ситуации собирать Пленум? Идем дальше. На этом Пленуме немедленно бы часть членов ЦК ушла в знак протеста, это уж точно. В то же время, не знаю сколько, но кто-то бы остался, и уж тогда коллективный орган был бы втянут в переворот и в государстве, и в партии», — говорил В. А. Ивашко в интервью «Независимой газете» спустя два месяца после путча¹²⁵. «С мест в ЦК уже шли телеграммы с требованием созвать Пленум. Мы собрались Секретариатом в тот же день, 20-го. Сели и говорим: “Ребята, остановитесь, какой Пленум? Для чего, для “одобрямса”? Или же избирать нового генсека?!” И мы поклялись не допускать переворота в партии», — вспоминала секретарь ЦК КПСС Г. В. Семенова¹²⁶. «В эти дни в ЦК были разные мнения и обсуждались разные шаги, но “хороших” шагов в той ситуации уже не было. Поэтому из ЦК

утром 19 августа только в адрес первых секретарей обкомов и рескомов ушла секретная телеграмма, в которой им предлагалось оказать “содействие” ГКЧП, но “в практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР”. Иными словами, ЦК не давал парторганам санкции на действия, нарушающие Конституцию СССР, и не поддерживал такие действия со стороны ГКЧП. Сейчас эта телеграмма кажется нелепой, но тогда это был тот компромисс, который предотвратил раскол в секретариате ЦК. Отмечу, что ни тогда, ни после, никто из секретарей ЦК КПСС не стал выгораживать себя и топить других. Все органы КПСС, по сути, оказались коллективными заложниками действий ГКЧП. Секретари обкомов, так же как и секретари ЦК, в условиях уже состоявшегося введения ЧП не могли нанести ему удар в спину. Тем более что никому в голову не приходило, что вице-президент Геннадий Янаев это сделал по собственному почину», — вспоминал В. В. Калашников¹²⁷. В беседе с автором этих строк Калашников уточнил свою позицию: «Секретариат ЦК действительно занял нейтральную позицию, не зная, что делать, не имея указаний ни от генсека, ни от его зама... Горбачева не было, а Шенин мог только, не имея полномочий, просить каждого из секретарей вести себя спокойно и не поднимать шума... Было ощущение, что члены ГКЧП были готовы сделать всю грязную работу за Горбачева, а потом дать ему возможность руководить страной»¹²⁸.

Как бы то ни было, но Центральный комитет в дни путча действовал крайне нерешительно, дискредитировав себя и в глазах Горбачева, и, в особенности, в глазах противников ГКЧП. Секретарь ЦК КПСС и будущий президент Молдовы П. К. Лучинский писал о том, что руководство партии имело возможность простейшим способом размежеваться с заговорщиками, однако было деморализовано волной событий. Если бы не неожиданность, утверждает Лучинский, «родилось бы самое простое решение. И оно все бы расставило на свои места. Достаточно было В. Ивашко в первый же день поднять шум об “исчезновении” Генерального секретаря. А там пресса — наша и зарубежная — довела бы этот протест до решительного осуждения действий ГКЧП»¹²⁹.

23 августа 1991 г. центр событий переместился на Старую площадь, где возле зданий ЦК КПСС скопились огромные толпы¹³⁰. Многие москвичи были убеждены в том, что именно партия была руководящей силой государственного переворота. Ответственные работники аппарата, ожидая самого худшего, уничтожали документы. Полы зданий ЦК были устланы толстым слоем уничтоженной текущей документации¹³¹, тут же без всякой систематизации валялись пачки разных документов, которые не успели уничтожить¹³². Известия об этом доходили и до ближайшего окружения Ельцина. Государственный секретарь РСФСР Г. Э. Бурбулис проинформировал Горбачева о сложившейся ситуации, предлагая последнему «временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС». Остроту момента усугубляло то, что Президент СССР был на конфиденциальной встрече с Ельциным, на которую не мог попасть даже госсекретарь РСФСР. По словам Геннадия Эдуардовича, он по телефону надиктовал сообщение руководителю охраны Ельцина А. В. Коржакову, последний своей рукой переписал слова Бурбулиса, подписался за него, а затем передал записку Президенту России. Борис Николаевич, в свою очередь, попросил Горбачева немедленно ознакомиться

с ее содержанием. На записке Бурбулиса — Коржакова генсек поставил размашистую резолюцию: «Согласен. М. Горбачев. 23 августа 1991 г.»¹³³. «Через 15 минут после написания Горбачевым этой резолюции началась процедура изгнания ЦК со Старой площади. Это было правильно и хорошо», — вспоминает Г. Э. Бурбулис¹³⁴. «Именно эта резолюция, а не указ Ельцина, в котором речь шла только о Компартии РСФСР, позволила начать разгром центральных органов КПСС», — справедливо пишет Р. А. Медведев¹³⁵. «Горбачев просто запутался и хотел уйти в тот (демократический. — А. П.) лагерь. Он уже был в руках других людей, которые его в Форосе освободили, но фактически конвоировали в Москву», — утверждал А. С. Дзасохов¹³⁶.

По внутренней линии связи всем сотрудникам аппарата ЦК КПСС было предложено покинуть здание. Как раз в это время известный литературовед Ю. Ф. Карякин позвонил помощнику Горбачева А. С. Черняеву, который находился в здании ЦК КПСС. На вопрос Карякина о том, что происходит, Черняев невозмутимо ответил: «Вон ваши (демократы. — А. П.) нас штурмуют»¹³⁷. В то время, когда работники аппарата ЦК покидали здание ЦК КПСС, ненависть к ним толпы достигла крайнего предела. А. С. Черняев вспоминал: «Наглядным и концентрированным выражением этой ненависти была акция на Старой площади и прилегающих к зданиям ЦК КПСС улицах 23 августа 1991 г. Правда, она была адресована уже перестроечной номенклатуре, тем не менее воспринималась как “то же начальство”, к тому же опозоренное только что провалившимся путчем. Это акция — целое публичное представление по изгнанию сотрудников ЦК из их помещений — была, конечно, заранее организована ельцинской московской властью, но эмоции толпы были неподдельными. Сквозь узкий проход между шпалерами тысяч людей шли, бежали сотрудники аппарата ЦК, в основном рядовые — секретарши, машинистки, обслуга, референты, инструкторы... Их оплевывали, кидали в них разные предметы, оскорбляли, освистывали, улюлюкали... И если бы не заблаговременно (!) приглашенная в большом количестве милиция, могли бы случиться и расправы»¹³⁸.

Руководящие работники аппарата ЦК КПСС подверглись унижительному обыску — у них искали не только документы, но и деньги — пресловутое «золото партии». Партийный аппарат был в те дни главным объектом травли¹³⁹. В опустевшее помещение ЦК КПСС самым первым зашел народный депутат РСФСР, председатель главного архивного комитета историк Р. Г. Пихоя, опечатававший печатью Росархива служебные помещения вчерашнего «штаба революции». Показательным для нового соотношения политических сил, сложившихся после путча и фактического обвала центра, был звонок, поступивший Пихоя от Горбачева: глава государства просил Рудольфа Германовича не опечатывать кабинет генсека, мотивируя это тем, что он — Президент СССР¹⁴⁰.

На следующий день, 24 августа 1991 г., в значительной степени под давлением Г. Х. Попова и Ю. М. Лужкова¹⁴¹, приглашенных к Президенту СССР, М. С. Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС. Ю. М. Лужков отмечал: «То был один из первых результатов разгрома коммунистического путча. Да, именно коммунистического. Терявшая авторитет, по существу разваливавшаяся коммунистическая партия стала, как говаривали

прежде, вдохновителем и организатором этого противозаконного, антиконституционного, крайне опасного переворота. Вдохновляла и организовывала, конечно, не вся многомиллионная партия, с которой рядовые коммунисты давно уже потеряли реальную связь, перестали ходить на собрания, платить взносы, а бюрократическая верхушка»¹⁴². Сложно не согласиться с Лужковым, который подчеркивал: «Сам факт нашего с Гавриилом Харитоновичем Поповым приглашения говорил о многом»¹⁴³. Президент демонстративно раскрывал объятия лидерам «новой, демократической Москвы», где «решилась в три августовских дня его судьба как государственного деятеля и просто человека»¹⁴⁴. «Текст “отречения”, вскоре опубликованного в газетах, обсуждали деловито, спорили без каких-либо предвзятостей. Мы предложили более радикальные формулировки. Михаил Сергеевич остановился на других — помягче, оставив прежней суть. В конце концов, это его личное заявление, и он сам был вправе выбирать слова. Но как бы ни звучало отречение, оно поставило точку в вековой истории Коммунистической партии Советского Союза», — вспоминал Лужков¹⁴⁵.

Вместе с Г. Х. Поповым и Ю. М. Лужковым в обсуждении вопроса об отставке Горбачева с поста генсека приняли участие И. С. Силаев, В. В. Бакатин, В. Н. Игнатенко и В. А. Медведев. Позднее к ним присоединился и А. С. Черняев¹⁴⁶. Над составлением текста заявления генсека трудились В. А. Медведев и А. С. Черняев; одновременно с заявлением Горбачева было составлено и близкое к нему по смыслу заявление группы членов ЦК КПСС, среди авторов которого значились, в частности, В. А. Михайлов, О. Р. Лацис, А. С. Грачев, А. Я. Дегтярев. Все они приняли участие и в итоговой редакции текста заявления Горбачева, первая версия которого и была подготовлена В. А. Медведевым. 24 августа оба заявления стали достоянием СМИ¹⁴⁷. Любопытно, что в день «отречения» Горбачева на страницах «Известий» была опубликована статья члена ЦК КПСС О. Р. Лациса, который задавался вопросом: «Да и надо ли Президенту заниматься созданием партии? Генеральному секретарю, пожалуй, надо освободить Президента от этих забот»¹⁴⁸.

Текст заявления оперативно опубликовали в прессе¹⁴⁹. Объясняя в кругу единомышленников свое решение, Горбачев заговорил о судьбе партии: «Они сами перечеркнули шанс ее реформировать, который я им оставлял до последнего дня. У меня совесть... Ведь они же предали своего генсека, не потребовали ни встречи со мной, не собрали Пленум ЦК». На вопрос А. С. Грачева «А кто, по-вашему, мог остановить путч, Михаил Сергеевич, после того как эта машина покатила?», Горбачев, не раздумывая, ответил: «Два человека — Лукьянов, как спикер парламента, и Ивашко, как второй человек в партии, который замещал меня в мое отсутствие»¹⁵⁰. Любопытно, что, отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции 22 августа 1991 г., устроенной спустя всего несколько часов после возвращения из Фороса, М. С. Горбачев заявил о том, что в дни путча Секретариат ЦК «заметался», но в итоге «в нем возобладало здоровое течение». Из секретарей ЦК Горбачев отметил А. С. Дзасохова, В. А. Ивашко, «особенно» В. А. Купцова «и других». «В конце концов было вынесено требование, добрались до Генерального секретаря в Крым», — подчеркнул Михаил Сергеевич¹⁵¹. Как видим, Горбачев в тот момент в определенной

степени еще рассчитывал на партию. Всего сутки спустя Президент СССР уже делал ставку на совсем другую карту и на совсем других людей, давая руководству партии уже другие оценки. Тот же Ивашко, по словам Горбачева, оказался не готов к положению второго человека в КПСС, переживавшей тяжелейший кризис в своей истории. Окончательно «скис» Ивашко в роковые дни августа 1991 г.¹⁵²

В воспоминаниях Горбачев пишет о том, что ему довелось выслушать немало упреков в связи с уходом в отставку с поста генсека, однако не считает себя виновным в сложившейся ситуации. «Я до конца, даже в ущерб своему положению Президента, оставался на посту генсека. Если кто кого и предал, то не я партию, а ее руководство и большая часть номенклатуры — своего лидера и вместе с ним — страну»¹⁵³. «Отречение» Горбачева, с одной стороны, было вынужденным шагом со стороны генсека, а с другой — фактическим признанием Михаила Сергеевича в том, что после Фороса он уже нигде не имеет опоры, в том числе в компартии¹⁵⁴.

Сложившаяся ситуация и «отречение» Горбачева от партии вызвали шок у секретарей ЦК¹⁵⁵. Горбачев «покинул партию в самом критическом ее положении. Я не могу его понять ни с человеческой, ни с политической точки зрения», — писал Е. К. Лигачев, немало сделавший в 1985 г. для избрания Михаила Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС¹⁵⁶. «Вспоминаю, как был шокирован Ивашко, Строев, Гиренко, Семенова, Купцов — все, кто пришел, заявлением Горбачева об отставке. Каждого охватило чувство возмущения и негодования», — вспоминал секретарь ЦК КПСС П. К. Лучинский¹⁵⁷. «Горбачев преклонял колени перед своим политическим соперником Ельциным. По форме, однако, он изображал свой акт как сведение счетов с “партией путчистов”. В банальной уловке М. С. Горбачев уподоблялся монарху, что обещал царство за коня», — писал секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин, прибавлявший, что в последний день пребывания Горбачева на посту Президента СССР, к Михаилу Сергеевичу явился пользовавшийся всеобщим уважением народный депутат СССР профессор А. А. Денисов, которому экс-генсек с горечью сказал: «Наверное, я поторопился сложить с себя обязанности Генерального секретаря. Сейчас партия мне даже очень пригодилась бы»¹⁵⁸.

Партия сошла с исторической сцены, ее развал, как свидетельствовал старожил аппарата ЦК КПСС Л. А. Оников, был «безропотный, постыдный, мгновенный»¹⁵⁹. Писатель Д. А. Гранин, посетивший в те дни опустевшее здание ЦК КПСС, вспоминал: «Что-то в этом знакомом здании на Старой площади показалось мне необычным. Был солнечный буднично-радостный день, много прохожих, все как всегда, не было только длинного блестящего ряда черных “Волг” напротив этого дома. Опустошенность, и серое здание это показалось мрачным... Решение пришло внезапно — я зашел. Охране показал свое депутатское удостоверение. В здании никого нет, предупредили охранники. Они были в штатском. Тем более, сказал я, интересно посмотреть, просто так, писательское любопытство, бывший наш храм. Они усмехнулись. Это были дни безвластия. Рядом на площади снесли памятник Дзержинскому. Лубянка притихла... Рядом был кабинет какого-то из секретарей ЦК. Кого, неизвестно, вывеску

сняли. Объемные кожаные кресла. Телефоны, толпа телефонов: вертушки, междугородние, прямые, и туда, “к самому”. Повсюду валялись изорванные бумаги. За стеклом огромного книжного шкафа — нетронутые собрания сочинений Маркса, Ленина, старое издание Большой советской энциклопедии. Разбитый графин. Свисала порванная портьера. Пахло куревом, застоялый, непроветренный воздух конторы. “Штаб ленинской гвардии”, “Наш родной ЦК”, а чаще всего со значением, с угрозой — “Старая площадь” — остался мрачный, замусоренный. Безмолвные телефоны. Развалины империи, великой империи, символ ее абсолютной власти, он стал символом катастрофы, вдруг она предстала передо мной явственно, я увидел ее останки, труп. Никогда не думал, что доживу до этого... Много позже многие цекисты — “цикачки”, вроде Лигачева, каялись: “Ах, почему мы не отстаивали своих взглядов”, проклинали Горбачева — предателя, предал партию. Действительно, почему не отстаивали? Не вышли на улицу? Но было ли что отстаивать? Кровавая история Коммунистической партии оказалась без защитников... Выйти из партии никто не мог. И вдруг она исчезла, растаяла как мираж. Под ногами валяются обрывки бумаг, папки “для служебного пользования” — ДСП, “секретно”. Развалины Бастилии, обломки Империи... А ликования не было, было удивление — неужели дожил? Увидел, как эта власть пала, бесшумно рассыпалась. И так, все разбежались, бросили свою цитадель»¹⁶⁰. Как справедливо выразился Р. А. Медведев, «это был семнадцатый год наоборот»¹⁶¹.

Демонтировав партийный аппарат, Ельцин и его команда получали возможность приступить к разрушению СССР. Начался закат эпохи правления Горбачева, потерявшего привычную уверенность в себе. Три дня в августе психологически сломали его¹⁶².

Президент СССР был подавлен и растерян, оказавшись не только без реальной власти, но и без команды. Многочисленные историки и публицисты, упрекающие Горбачева в нерешительности и непоследовательности предпринятых им шагов в последние месяцы его президентства, предадут забвению тот очевидный факт, что на завершающем этапе карьеры Михаила Сергеевича как главы государства «его растерянность, колебания и сомнения во многом были порождены предательством, неискренностью, лестью ближайшего окружения, бесконечными закулисными интригами»¹⁶³.

Горбачев понимал, что соотношение сил после путча изменилось не в его пользу. В качестве хозяина огромной страны его теперь не рассматривало не только окружение Ельцина, но и кремлевские царедворцы. «Поведение бюрократии — это самый чуткий термометр, особенно в таких ситуациях. После Фороса у многих, даже в ближайшем окружении, на смену неизменному (за глаза) почтительному “Михаил Сергеевич” пришло короткое “Горбачев”, — вспоминал мудрый и многоопытный аппаратчик К. Н. Брутенц¹⁶⁴.

Между возвращением Горбачева из Фороса и его уходом в отставку прошло четыре месяца и три дня. Все эти дни были насыщены активной работой. По словам заместителя руководителя аппарата Президента СССР А. А. Сазонова, Горбачев «выглядел потерянным всего один день после возвращения из Крыма, а все оставшееся время работал как заведенный, пытаюсь

выправить ситуацию»¹⁶⁵. Однако уже ничего не получалось. Да и могло ли получиться? Руководитель секретариата Горбачева Г. С. Остроумов свидетельствует: «Путч напугал все союзные республики — неужели и у нас может быть такое? Республики стали разбегаться, центр утратил свой авторитет»¹⁶⁶.

Горбачев понимал, что единственный шанс удержать страну — скорейшее заключение Союзного договора. Сделать это было уже чрезвычайно трудно: после путча республики уже не считали себя связанными договоренностями с центром. Уникальный шанс на заключение нового Союзного договора между еще не дискредитированным центром и республиками был упущен по милости путчистов, ставших невольными убийцами СССР. 18 августа 1991 г. — день, когда Президент СССР был изолирован на госдаче «Заря» и объявлен недееспособным, — стал точкой невозврата, днем *действительной* гибели Советского Союза. «После 19 августа Союза не стало в один день», — вспоминал Б. Н. Ельцин¹⁶⁷. По его словам, путч не только сорвал подписание Союзного договора, но и привел к обвалу центра, став, по выражению Г. Э. Бурбулиса, «политическим Чернобылем» Советского Союза¹⁶⁸.

Скороспелая и плохо продуманная акция ГКЧП сделала подписание нового Союзного договора маловероятным; после путча власть Президента СССР стала во многом иллюзорной, политическая инициатива теперь полностью находилась в руках Ельцина, сделавшего ставку на ликвидацию союзного центра в лице Горбачева. Ценой невероятных усилий советскому лидеру удалось возобновить Новоогаревский процесс, но успех его теперь полностью зависел от позиций России и Украины.

Вряд ли можно говорить о существовании некоего сговора между Ельциным и Кравчуком. Скорее, руководители двух республик интуитивно понимали необходимость координации и общности усилий, направленных на избавление от опеки центра. Фактически Украина и Россия выступали единым фронтом, заведя осенний раунд переговоров по образованию государства-конфедерации в тупик. Беловежские соглашения лидеров трех славянских республик подвели итог под историей существования Советского Союза.

25 декабря 1991 г. завершилась политическая карьера Президента СССР, объявившего о своей отставке. Советский Союз прекратил существование. Не снимая с Горбачева исторической ответственности за распад Советского Союза, подчеркнем, что «империя», как и в 1917 г., распалась при абсолютном равнодушии народа, который, по всегдашней национальной традиции, «безмолвствовал», уже не веря старым властителям и не успев разувериться в новых.

¹ Укажем лишь основные воспоминания: *Черняев А. С.*: 1) Форос. Август 91 // *Известия*. 1991. 1 окт.; 2) 1991 год: *Дневник помощника Президента СССР*. М., 1997; 3) *Шесть лет с Горбачевым*. М., 1993; *Медведев В. Т.* Человек за спиной. М., 1994; *Игнатенко В. Н.* Со мной и без меня. М., 2016; *Фалин В. М.* Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М., 1999; *Яковлев А. Н.* Сумерки. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005; *Бакатин В. В.* Дорога в прошедшем времени. М., 2015; *Шахназаров Г. Х.* С вождями и без них. М., 2001; *Калашников В.* Август 91-го в личном формате // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2016. 21 окт. — К отдельной группе относятся воспоминания членов ГКЧП и близких к ним по взглядам политиков: *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995; *Бакланов О. Д.*

Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины»: в 3 т. 3-е изд. Т. 1. М., 2014; *Вареников В. И.* Неповторимое. Главнокомандующий. Трагедия отечества 1985–2000 гг.: в 7 кн. Кн. 6. М., 2002; *Шенин О.* Надо было Ельцина отправить в Африку // Трибуна. 2001. 17 авг.; *Крючков В. А.* На краю пропасти. М., 2003; *Стародубцев В. А.* На крутых поворотах судьбы. М., 2014; *Янаев Г. И.* ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР. М., 2010; *Прокофьев Ю. А.* До и после запрета КПСС. Первый секретарь МК КПСС вспоминает... М., 2005; *Лукиянов А. И.* Август 91-го. Был ли заговор? М., 2010; *Язов Д. Т.* Удары судьбы: Воспоминания солдата и маршала. М., 2004. — Президент СССР М. С. Горбачев затрагивал тему августовского путча во всех своих работах, вышедших после ГКЧП: *Горбачев М. С.*: 1) Августовский путч. М., 1991; 2) Жизнь и реформы: в 2 кн. М., 1995. Кн. 2; 3) Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006; 4) Наедине с собой. М., 2012; 5) Остаюсь оптимистом. М., 2017; 6) В меняющемся мире. М., 2018.

² См., напр.: *Тарасова Е. А.*: 1) Потерянная альтернатива: становление новой политической системы России в 1990–1993 годы. СПб., 2012; 2) «Война законов» РСФСР — СССР в 1990–1991 гг. // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 230–246; *Полынов М. Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб., 2010; *Лозо И.* Августовский путч 1991 года. Как это было / пер. с нем. А. К. Камкин. М., 2014.

³ *Черняев А. С.* Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008. С. 965 (запись от 23 июля 1991 г.).

⁴ Пребывание М. С. Горбачева в Белоруссии // Московская правда. 1991. 28 февр.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7522. Оп. 13. Д. 134. Протокол Центральной избирательной комиссии референдума СССР. Л. 6.

⁶ Левон Тер-Петросян в российской прессе. М., 2018. С. 38.

⁷ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, в 1991 г. — члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 нояб.

⁸ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, в 1990–1991 гг. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 17 окт.

⁹ *Яльшиев Р. А.* Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 20.

¹⁰ *Горбачев М. С.* В меняющемся мире. С. 203.

¹¹ *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford, 1997. P. 286.

¹² *Baturin Y.* Chess-like diplomacy at Novo-Ogarevo. An eyewitness account to the drafting of the USSR Union Treaty in 1991 // *Demokratizatsiya. Демократизация. The journal of Post-Soviet Democratization.* Spring 1994. Vol. 2, no. 2. P. 212, 221.

¹³ Жизнь после Ново-Огарево: либо что-то будет, либо кого-то не станет // Коммерсант. 1991. 27 мая — 3 июня.

¹⁴ *Кравчук Л. М.* Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми. Киев, 2002. С. 81.

¹⁵ Там же. С. 81.

¹⁶ *Станкевич З. А.* Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 257.

¹⁷ *Караулов А. В.* Вокруг Кремля — 2: книга политических диалогов. М., 1992. С. 379 (интервью Н. А. Назарбаева, 29 июля 1991 г.).

¹⁸ *Калашников В.* Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 19 авг.

¹⁹ *Караулов А. В.* Вокруг Кремля — 2... С. 203 (интервью Г. В. Старовойтовой, 22 мая 1991 г.).

²⁰ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 54.

²¹ Там же. С. 56. — В современных исследованиях ставится под сомнение утверждение Ельцина и Горбачева о том, что их разговор с Назарбаевым был подслушан и записан на магнитофонную пленку ведомством Крючкова. См., напр.: *Лозо И.* Августовский путч 1991 года... С. 96–107.

²² *Калашников В.* Демонтаж СССР...

²³ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1991 г. — народного депутата СССР, члена ЦК КПСС. Село Немчиновка, Московская область. 2018. 21 июля; Там же. Интервью В. В. Калашникова, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС, в июле — августе 1991 г. — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 окт.

- ²⁴ Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина, в 1991 г. — сотрудника аппарата Президента СССР, эксперта по подготовке нового Союзного договора. Москва. 2018. 30 июня.
- ²⁵ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова, в 1990–1991 гг. — первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР, с октября 1991 г. — председателя Верховного Совета РСФСР. Москва. 2016. 12 авг.; *Хасбулатов Р.* Переворот способствовал дискредитации государства // *Историк*. 2016. № 7–8. С. 114.
- ²⁶ Архив автора. Интервью В. К. Егорова, в 1991 г. — помощника Президента СССР. Москва. 2018. 6 февр.
- ²⁷ *Горбачев М. С.* «Хочу предостеречь...»: М. Горбачев в президентской избирательной кампании 1996 года. М., 1996. С. 29–30.
- ²⁸ *Лукьянов А. И.* В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М., 1999. С. 53.
- ²⁹ *Атаманчук Г. В.* Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 36.
- ³⁰ Архив автора. Интервью профессора Г. В. Атаманчука, в 1991 г. — заместителя заведующего отделом по вопросам межнациональных отношений Верховного Совета, руководителя группы экспертов Верховного Совета по подготовке нового Союзного договора (по телефону). 2018. 9 июня.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288. Л. 176.
- ³² *Шахназаров Г. Х.* С вождями и без них. С. 417.
- ³³ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славным / авт.-сост. Б. Славин. М., 2001. С. 54.
- ³⁴ См. самое основательное на данный момент исследование, посвященное разработке нового Союзного договора, подготовленное одним из экспертов-юристов, трудившихся над ним: *Станкевич З. А.* Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016.
- ³⁵ *Фаллин В. М.* Без скидок на обстоятельства... С. 413.
- ³⁶ *Бакатин В. В.* Дорога в прошедшем времени. С. 322.
- ³⁷ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2018. 31 окт.
- ³⁸ Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 дек.
- ³⁹ *Назарбаев Н.* Любые пограничные претензии сегодня — это неминуемое кровопролитие // *Независимая газета*. 1992. 6 мая.
- ⁴⁰ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.
- ⁴¹ Архив автора. Интервью доктора юридических наук З. А. Станкевича, в 1991 г. — заместителя руководителя информационно-аналитического центра при Президенте СССР. Москва. 2018. 31 янв.
- ⁴² Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина. Москва. 2018. 30 июня.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 969 (запись от 3 августа 1991 г.).
- ⁴⁵ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева, в 1991 г. — заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Москва. 2017. 14 марта.
- ⁴⁶ *Смирнов Г. Л.* Уроки минувшего. М., 1997. С. 294.
- ⁴⁷ *Ялышев Р. А.* «Новоогаревский процесс» выработки нового союзного договора весной — летом 1991 г.: федерация или конфедерация? / отв. ред. В. В. Калашников // *Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»*: сб. докладов. Санкт-Петербург. 27 ноября 2015. СПб., 2016. С. 279.
- ⁴⁸ Договор о Союзе Суверенных государств // *Правда*. 1991. 15 авг.
- ⁴⁹ Архив автора. Интервью В. А. Михайлова, в 1991 г. — заведующего отделом межнациональных отношений ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 янв.
- ⁵⁰ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко. Москва. 2018. 17 окт.
- ⁵¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова, в 1991 г. — заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 янв.
- ⁵² *Дзасохов А. С.* Человек и политика. М., 2009. С. 176.
- ⁵³ *Горбачев М. С.* Наедине с собой. С. 559.
- ⁵⁴ *Горбачев М. С.* После Кремля. М., 2014. С. 10.

- ⁵⁵ Материалы Объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии КПСС, 24–25 апреля 1991 г. М., 1991. С. 89.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф.9654. Оп.7. Д.1354. Стенограмма пленума ЦК КПСС. 25 апреля 1991 г. Л. 139.
- ⁵⁷ Там же. Л. 143–144.
- ⁵⁸ Архив автора. Интервью Л. И. Грача, в 1991 г. — Первого секретаря Крымского рескома КПСС. Симферополь. 2016. 27 сент.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.9654. Оп.7. Д.1354. Л. 144.
- ⁶⁰ Архив автора. Интервью В. К. Егорова. Москва. 2018. 6 февр.; Там же. Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 г. — руководителя Секретариата Президента СССР. Москва. 2018. 6 февр.
- ⁶¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 янв.
- ⁶² Архив автора. Интервью А. В. Бузгалина, в 1991 г. — члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2017. 18 дек.
- ⁶³ *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 343.
- ⁶⁴ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева. 2018. 21 июля. Село Немчиновка, Московская область. — По убеждению спичрайтера Горбачева по вопросам внешней политики профессора В. Б. Кувалдина, к весне 1991 г. «номенклатура пришла к выводу, что Горбачев представляет смертельную опасность для номенклатуры, но видимой альтернативы не было» (Архив автора. Интервью В. Б. Кувалдина. Москва. 2018. 21 июля).
- ⁶⁵ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб; Там же. Интервью А. С. Грачева, в апреле 1991 г. — члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 5 июля.
- ⁶⁶ *Ненашев М. Ф.* Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993. С. 126. — Одним из тех членов ЦК, кто наиболее активно поддерживал Горбачева на апрельском Пленуме 1991 г., был А. И. Вольский. «Меня поддержал Нурсултан Назарбаев. И еще семьдесят два человека подписали. Я-то по наивности решил, что противостоянию конец. Ан нет! Меньшинство отправилось готовить путч», — вспоминал Вольский (цит. по: *Завада М., Куликов Ю.* Диалоги с Аркадием Вольским. «Попробуйте меня от века оторвать...». М., 2006. С. 140).
- ⁶⁷ *Калашиников В.* Полтора часа без Генсека // Ленинградская правда. 1991. 27 апр.
- ⁶⁸ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.
- ⁶⁹ Там же. — Член Политбюро И. Т. Фролов вспоминал: «Горбачев шел ва-банк. Риск? Да. Смелость? Да. Но еще и тонкий расчет. Насколько я помню, никто открыто предложения об отставке не вносил. Горбачев сам пошел на обострение. С его стороны это был, если хотите, продуманный превентивный удар, демарш, рассчитанный на людей осторожных и сомневающих, чтобы они почувствовали чрезвычайную серьезность положения. Я позже со многими разговаривал. Если суммировать все, то настроение вот такое: “Горбачев — человек авторитетный. А кто придет вместо него? Этот кемеровский секретарь, которые больше всех тут кричал? Михаил Сергеевича мы знаем. Мы его покритиковали, он критику учет и в партии станет работать активнее, а не уходить с головой в президентские структуры”. Те, кто хотел устранить Горбачева, таким образом, потерпели поражение» (*Фролов И.* Альтернатива // Журналист. 1994. С. 46).
- ⁷⁰ *Калашиников В.* Август 1991-го в личном формате.
- ⁷¹ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова. Москва. 2018. 6 февр.
- ⁷² *Бузгалин А. В.* Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. М., 1993. С. 95.
- ⁷³ *Шабанов И. М.* Крушение СССР: мифы и правда. Публицистика, интервью. Воронеж, 2014. С. 45.
- ⁷⁴ *Калашиников В.* Полтора часа без Генсека.
- ⁷⁵ *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 475.
- ⁷⁶ *Медведев В. А.* В команде Горбачева. М., 1994. С. 182.
- ⁷⁷ Слово к народу // Советская Россия. 1991. 23 июля.
- ⁷⁸ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова, в 1991 г. — референта Президента СССР. Москва. 2018. 23 янв.
- ⁷⁹ *Медведев Р. А.* Советский Союз: последние годы жизни. М., 2015. С. 296.

- ⁸⁰ Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 5 июля.
- ⁸¹ *Дзасохов А. С.* Человек и политика. С. 269.
- ⁸² *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 968 (запись от 28 июля 1991 г.).
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1357. Л. 270.
- ⁸⁴ Там же. Л. 271.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1356. Стенограмма заседания Пленума ЦК КПСС, 25 июля 1991 г. Л. 184.
- ⁸⁶ *Калашников В.* И доверие чего-то стоит // Правда. 1991. 31 июля.
- ⁸⁷ *Мельников И.* Главное дело — предстоящий съезд // Правда. 1991. 1 авг.
- ⁸⁸ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 янв.
- ⁸⁹ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева. Москва. 2017. 14 марта.
- ⁹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Проект // Правда. 1991. 8 авг.
- ⁹¹ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева. Москва. 2017. 14 марта.
- ⁹² Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.
- ⁹³ *Горбачев М., Икеда Д.* Моральные уроки XX века. 2-е изд. М., 2011. С. 192.
- ⁹⁴ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.
- ⁹⁵ *Черняев А.* Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апр.
- ⁹⁶ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко. Москва. 2018. 17 окт.; Там же. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2018. 31 окт.
- ⁹⁷ *Горбачев М. С.* Остаюсь оптимистом. С. 249.
- ⁹⁸ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных, в январе — августе 1991 г. — министра иностранных дел СССР, члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 21 марта.
- ⁹⁹ *Ожерельев О. И.* Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016. С. 62.
- ¹⁰⁰ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 янв.
- ¹⁰¹ *Игнатенко В.* Не меняю лицо под обстоятельства // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. С. 2.
- ¹⁰² *Ельцин Б. Н.* Записки президента. С. 143–144.
- ¹⁰³ *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 291–292.
- ¹⁰⁴ Архив автора. Интервью Б. А. Курковой, в 1991 г. — народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2018. 4 марта.
- ¹⁰⁵ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова. Москва. 2016. 12 авг.
- ¹⁰⁶ Архив автора. Интервью Н. И. Травкина, в 1991 г. — народного депутата СССР и РСФСР, Героя Социалистического Труда. 2019. 6 янв.
- ¹⁰⁷ *Челноков М.* Россия без Союза, Россия без России... (записки депутата расстрелянного парламента). М., 1994. С. 92.
- ¹⁰⁸ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова. Москва. 2016. 12 авг.
- ¹⁰⁹ Архив автора. Интервью В. Л. Шейниса, в 1991 г — народного депутата РСФСР. Москва. 2018. 4 июля.
- ¹¹⁰ Архив автора. Интервью М. Н. Толстого, в 1991 г — народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2018. 25 окт.
- ¹¹¹ Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, в 1991 г — народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 6 янв.
- ¹¹² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, в 1991 г. — государственного секретаря РСФСР. 2019. 5 янв.
- ¹¹³ Архив автора. Интервью В. Т. Третьякова, в 1991 г. — главного редактора «Независимой газеты». Москва. 2018. 19 дек.
- ¹¹⁴ Правда. 1991. 22 авг. — Мы сознательно опускаем рассказ о деятельности в дни путча других партийных структур, в частности Московского горкома КПСС и ее первого секретаря Ю. А. Прокофьева, поскольку это отдельный и не лишенный любопытства сюжет.
- ¹¹⁵ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля. — «Когда состав ГКЧП был оглашен на утреннем заседании ЦК, у всех было ощущение сговора — ведь

были названы самые-самые близкие Горбачеву люди», — вспоминал В. В. Калашников (Там же.). См. также: Там же. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.

¹¹⁶ Калашников В. Август 91-го в личном формате.

¹¹⁷ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля.

¹¹⁸ Там же. 2018. 31 окт.

¹¹⁹ Там же. 2016. 21 окт.

¹²⁰ Дзасохов А. С. Человек и политика. С. 286.

¹²¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.

¹²² ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1341. Отчет о проделанной работе Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств государственного переворота в СССР. 1991 г. Л. 152–154.

¹²³ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева. Москва. 2017. 17 марта.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1335. Диктофонная запись беседы руководителя парламентской комиссии по расследованию деятельности ГКЧП А. М. Оболенского и генерального прокурора РСФСР В. Г. Степанкова с О. С. Шениным. 1991. 5 дек. Л. 22.

¹²⁵ Ивашко В. Эти люди действовали в условиях глубокой конспирации // Независимая газета. 1991. 17 окт.

¹²⁶ Семенова Г. Мы шли сквозь строй улюлюкающей толпы // Комсомольская правда. 1991. 31 авг.

¹²⁷ Калашников В. Август 91-го в личном формате.

¹²⁸ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля. — Для сравнения можно привести записанные по горячим следам показания первого секретаря Московского горкома КПСС Ю. А. Прокофьева, по политическим взглядам близкого к ГКЧП: «Из Кремля я вновь поехал на заседание Секретариата ЦК КПСС, поскольку была договоренность еще раз собрать Секретариат в 17 часов [19 августа 1991 г.]. Его вел Ивашко, был Дзасохов, были уже все члены Секретариата, кроме Семеновой. Ивашко внес предложение не торопиться с определением сроков проведения Пленума, поскольку необходимо сориентироваться в ситуации, надо подумать о будущем партии, такую же примерно позицию занял Дзасохов. Я знал, что это люди близкие к Горбачеву, поэтому у меня усилилась уверенность в том, что это разыгрывается политический спектакль с целями, которые для меня в тот момент еще до конца понятны не были. Окончательно я пришел к этому выводу вечером после пресс-конференции Янаева [19 августа 1991 г.], когда он заявил, что он является другом Горбачева, и что Горбачев через какое-то время вернется. Тогда я решил, что это согласованная с Горбачевым политическая инсценировка, направленная на то, чтобы ввести чрезвычайное положение другими силами, а не самому Горбачеву. Впоследствии, правда, видя, как развиваются события, у меня точка зрения изменилась. Я считаю, что это был политический спектакль, специально спланированный для того, чтобы подорвать партию, разрушить военно-промышленный комплекс и ослабить в значительной мере армию и правоохранительные органы. Все это было решено очень быстро, по существу одним актом». (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 660. Оп. 6. Д. 6. Прокофьев Ю. А. Мой взгляд на события августа 1991 г. 27–28 августа 1991 г. Л. 19–20).

¹²⁹ Лучинский П. К. Заложники. Кишинев, 1993. С. 22–23.

¹³⁰ Медведев Р. А. Советский Союз: последние годы жизни. С. 341.

¹³¹ Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016. С. 258; В коридорах Старой площади // Известия. 1991. 12 сент.

¹³² Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 янв.

¹³³ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 5 янв.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Медведев Р. А. Советский Союз: последние годы жизни. С. 342.

¹³⁶ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 нояб.

¹³⁷ Карякин Ю. Ф. Переделкинский дневник / сост., предисл., примеч. И. Зориной. М., 2016. С. 60 (запись от 23 августа 1991 г.).

¹³⁸ Черняев А. С. Советское общество: почему распалось союзное государство // Горбачевские чтения. Вып. 9. Два путча и распад СССР. М., 2011. С. 25. — Яркие описания этого дня можно встретить в воспоминаниях Н. А. Зеньковича, Г. В. Семеновой и В. М. Легостаева

- (Зенькович Н. А. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М., 1999. С. 5–12; Семенова Г. В.: 1) Мы шли сквозь строй улюлюкающей толпы; 2) Для партии это была катастрофа // Огонек. 1991. № 37. С. 30–32; Легостаев В. М. Как Горбачев «прорвался во власть». М., 2011. С. 195–199).
- ¹³⁹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 янв.
- ¹⁴⁰ Архив автора. Интервью Р. Г. Пихоя, в 1991 г. — народного депутата РСФСР, главы комитета по делам архивов при правительстве РСФСР. Москва. 2018. 29 марта.
- ¹⁴¹ Попов Г. Х. Первый мэр Москвы. М., 2015. С. 246–247.
- ¹⁴² Лужков Ю. М. 72 часа агонии. Август 1991 г. Начало и конец коммунистического путча в России. М., 1991. С. 95.
- ¹⁴³ Там же. С. 96.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 96–97.
- ¹⁴⁶ «Почему “в таком составе” обсуждались такие вопросы, мне до сих пор непонятно. Впрочем, это лишний раз подчеркивает, насколько президент был политически “оголен” в результате путча. Нам с Медведевым поручили “формулировать” на бумаге обсуждавшиеся варианты. Попов и Лужков предлагали вместе с отказом от поста Генсека (это было решено Горбачевым еще до моего появления в кабинете) заявить и о роспуске Центрального комитета и даже всей партии. М. С. на это не пошел, хотя никто из присутствовавших не возражал. Не пошел, думаю, не только потому, что формально это было вне его компетенции. Но и чтобы еще больше “не подставлять” миллионы членов партии, оказавшихся не по своей воле замаранными путчем», — вспоминал А. С. Черняев (Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 491).
- ¹⁴⁷ Архив автора. Интервью В. А. Михайлова. Москва. 2018. 24 янв.; Там же. Интервью А. Я. Дегтярева. Москва. 2017. 14 марта; Там же. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 13 сент.; Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. С. 380–382; Медведев В. А. В команде Горбачева. С. 211–212
- ¹⁴⁸ Лацис О. Горбачев вернулся в другую страну. Понимает ли он это? // Известия. 1991. 24 авг.
- ¹⁴⁹ Заявление М. С. Горбачева // Российская газета. 1991. 27 авг. — «Внеся в подготовленный текст несколько изменений, возникших по ходу обсуждения, Горбачев еще раз прочитал нам теперь уже окончательный текст. Получилось, что именно под сводом Ореховой гостиной, многие годы собиравшей на сокровенные встречи членов высшего советского партийного руководства, впервые прозвучало официально отречение ее последнего генсека. В тот день никому из присутствовавших на этой скромной церемонии не пришло бы в голову провести параллель между тем, что происходило на наших глазах в Кремле, и отречением от престола последнего российского императора в вагоне царского поезда на псковском разъезде. Полный энергии Горбачев отнюдь не походил на деморализованного Николая, да и наша депутация, хотя и состояла из своего рода разочаровавшихся “монархистов”, явно не имела полномочий Шульгина и Гучкова. Если в чем-то мы их и напоминали, так, пожалуй, в наивной вере, что такими символическими жестами еще можно установить контроль над стихией политических событий», — писал член ЦК КПСС А. С. Грачев, назначенный вскоре после этих событий пресс-секретарем Президента СССР (Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 390–391). На наш взгляд, если кто и напоминал в этой ситуации Шульгина и Гучкова, то именно Попов и его будущий преемник на посту мэра Москвы Юрий Лужков.
- ¹⁵⁰ Грачев А. С. Горбачев. С. 388.
- ¹⁵¹ Пресс-конференция Президента СССР // Правда. 1991. 23 авг.
- ¹⁵² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 559.
- ¹⁵³ Горбачев М. С. Понять перестройку... С. 335.
- ¹⁵⁴ Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, в 1991 г. — помощника Президента СССР. Москва. 2017. 14 нояб.
- ¹⁵⁵ Гуренко С. Живу поддержкой товарищей // Правда. 1991. 22 окт.; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2018. 31 окт.
- ¹⁵⁶ Суд над КПСС на улице и в зале // Аргументы и факты. 1992. № 25–26. С. 1.
- ¹⁵⁷ Лучинский П. К. Заложники. С. 42.
- ¹⁵⁸ Фаллин В. М. Без скидок на обстоятельства... С. 457–458.

- ¹⁵⁹ *Оников Л. А.* КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996. С. 160.
- ¹⁶⁰ *Гранин Д. А.* Причуды моей памяти. М., 2010. С. 391–394.
- ¹⁶¹ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева. Село Немчиновка, Московская область. 2018. 21 июля.
- ¹⁶² *Калашиников В.* Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 окт.
- ¹⁶³ *Власов А. И.* Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 175.
- ¹⁶⁴ *Брутец К. Н.* Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 618.
- ¹⁶⁵ Архив автора. Интервью А. А. Сазонова, в 1991 г. — заместителя руководителя аппарата Президента СССР. Москва. 2018. 6 февр.
- ¹⁶⁶ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова. Москва. 2018. 6 февр.
- ¹⁶⁷ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. С. 54.
- ¹⁶⁸ *Ельцин Б.* Происходит обвал союзного Центра // Куранты. 1991. 31 авг.; Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 5 янв.

Статья поступила в редакцию 8 января 2019 г.

Рекомендована в печать 18 февраля 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 454–484.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.210>
УДК 94(47).084.9

Аннотация: Статья посвящена событиям августовского путча 1991 г. и участию в них партийных структур КПСС, в частности Центрального комитета партии. Автор анализирует взаимоотношения союзных структур, аппарата Президента СССР М. С. Горбачева с КПСС, участие коммунистической партии в событиях августа 1991 г. Особое внимание уделяется работе по подготовке нового Союзного договора, участию в ней М. С. Горбачева, работе апрельского и июльского Пленумов ЦК КПСС 1991 г. Показаны крайне сложные отношения М. С. Горбачева и Центрального комитета, когда генеральный секретарь не мог при проведении своей политики в полной мере опереться на партийную массу. По мнению автора, большая часть Секретариата ЦК КПСС не была в курсе подготовки государственного переворота, однако проявила в дни путча крайнюю пассивность, не выступив с осуждением деятельности ГКЧП. Именно это позволило обвинить партию в пособничестве заговору, и в результате команда Б. Н. Ельцина объявила о приостановлении деятельности российской Коммунистической партии. Демонтаж партийных структур после провала путча позволил Б. Н. Ельцину приступить к развалу СССР. Именно акция ГКЧП сорвала подписание нового Союзного договора, тем самым предопределив распад СССР. Президент СССР М. С. Горбачев не использовал все имеющиеся у него конституционные полномочия для предотвращения краха страны. Статья основана на широком круге источников, в том числе на неопубликованных архивных материалах и интервью участников событий.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Советского Союза, августовский путч, Союзный договор, распад единого государства, Беловежские соглашения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

Сведения об авторе: Пученков А. С. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.puchenkov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Puchenkov A. S. 'The August Coup in 1991: a View From the Central Committee Building and Eyewitness Accounts', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 2, 2019, pp. 454–484.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.210>

Abstract: The author analyzes relations between union structures, the office of the President of the USSR, Mikhail S. Gorbachev, and the CPSU and its participation in the events of August 1991. Special attention is paid to the preparation of the new Union Treaty, including Gorbachev's participations, and the work of the April and July Plenums of the 1991 CPSU Central Committee. The majority of the Secretariat of the CPSU Central Committee was not aware of the preparation of the *coup d'état*, but showed extreme passivity during the coup, such as not openly condemning the Emergency Committee. This gave rise to accusations of the Party in aiding the conspiracy, and Boris Yeltsin's decree suspending the activities of the Russian Communist B. N. Party. The dismantling of Party structures after the failure of the coup allowed B. N. Yeltsin to proceed with the dismantling of the USSR. Actions of the State Emergency Committee frustrated the signing of the new Union Treaty, thereby predetermining the collapse of the USSR. In turn, M. S. Gorbachev did not use all his constitutional powers to prevent that collapse. The work is based on a wide range of sources, including unpublished archival materials and interviews with participants in events.

Keywords: CPSU, August 1991 coup, Union Treaty, M. S. Gorbachev, 1991.

This research was supported by "Russian Science Foundation", project no. 15-18-00119 "The Management of Ethnic Diversity and Ethno-confessional Conflict in Russia: An Interdisciplinary Study of the Imperial, Soviet, and Post-Soviet Experience"

Author: Puchenkov A. S. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Atamanchuk G. V. *Novoe gosudarstvo: poiski, illiuzii, vozmozhnosti* (Moscow, 1996).
 Bakatin V. V. *Doroga v proshedshem vremeni* (Moscow, 2015).
 Baklanov O. D. *Kosmos — moia sud'ba. Zapiski iz "Matrosskoi tishiny"*, 3rd ed., vol. 1 (Moscow, 2014).
 Baturin Y. 'Chess-like diplomacy at Novo-Ogarevo. An eyewitness account to the drafting of the USSR Union Treaty in 1991', *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 2, no. 2, Spring 1994.
 Boldin V. I. *Krushenie p'edestala. Shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva* (Moscow, 1995).
 Brown A. *The Gorbachev Factor* (Oxford, 1997).
 Brutents K. N. *Nesbysvsheesia. Neravnodushnye zametki o perestroike* (Moscow, 2005).
 Buzgalin A. V. *Belaia vorona. Poslednii god zhizni Tsk KPSS: vzgliad iznutri* (Moscow, 1993).
 Chelnokov M. *Rossia bez Soiuza, Rossia bez Rossii... (zapiski deputata rastreliannogo parlamenta)* (Moscow, 1994).
 Cherniaev A. S. *1991 god: dnevnik pomoshchnika Prezidenta SSSR* (Moscow, 1997).
 Cherniaev A. 'Foros. Avgust 91', *Izvestiia*, 1 October 1991.
 Cherniaev A. 'Gorbachev ochen' dobryi', *Moskovskii komsomolets*, 11 April 1995.
 Cherniaev A. S. *Shest' let s Gorbachevym* (Moscow, 1993).
 Cherniaev A. S. 'Sovetskoe obshchestvo: pochemu raspalos' soiuзное gosudarstvo', *Gorbachevskie chteniia*, iss. 9: *Dva putcha i raspad SSSR* (Moscow, 2011).
 Cherniaev A. S. *Sovmestnyi iskhod. Dnevnik dvukh epokh, 1972–1991 gody* (Moscow, 2008).
 Dzasokhov A. S. *Chelovek i politika* (Moscow, 2009).
 Eltsin B. N. *Zapiski prezidenta* (Moscow, 1994).
 Falin V. M. *Bez skidok na obstoiatel'stva: politicheskie vospominaniia* (Moscow, 1999).
 Frolov I. 'Al'ternativa', *Zhurnalst*, no. 5, 1994.
 Grachev A. S. *Gorbachev* (Moscow, 2001).
 Gorbachev M. S. *Avgustovskii putch* (Moscow, 1991).
 Gorbachev M. S. "Khochu predosterech'...": *M. Gorbachev v prezidentskoi izbiratel'noi kampanii 1996 goda* (Moscow, 1996).

- Gorbachev M. S. *Naedine s soboi* (Moscow, 2012).
- Gorbachev M. S. *Ostaius' optimistom* (Moscow, 2017).
- Gorbachev M. S. *Poniat' perestroiku... Pochemu eto vazhno seichas* (Moscow, 2006).
- Gorbachev M. S. *Posle Kremliia* (Moscow, 2014).
- Gorbachev M. S. *V meniaiushchemsia mire* (Moscow, 2018).
- Gorbachev M. S. *Zhizn' i reformy*, Books 1–2 (Moscow, 1995).
- Gorbachev M., Ikeda D. *Moral'nye uroki XX veka*, 2nd ed. (Moscow, 2011).
- Granin D. A. *Prichudy moei pamiati* (Moscow, 2010).
- Gurenko S. 'Zhivu podderzhkoi tovarishchei', *Pravda*, 22 October 1991.
- Ignatenko V. 'Ne meniaiu litso pod obstoiatel'stva', *Argumenty i fakty*, no. 29–30, 1992.
- Ignatenko V. N. *So mnoi i bez menia* (Moscow, 2016).
- Ivashko V. 'Eti liudi deistvovali v usloviakh glubokoi konspiratsii', *Nezavisimaia gazeta*, 17 October 1991.
- Kalashnikov V. 'Avgust 91-go v lichnom formate', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 21 October 2016.
- Kalashnikov V. 'Demontazh SSSR: vzgliad chetvert' veka spustia', *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 19 August 2016.
- Kalashnikov V. 'I doverie chego-to stoit', *Pravda*, 31 July 1991.
- Kalashnikov V. 'Poltora chasa bez Genseka', *Leningradskaia pravda*, 27 April 1991.
- Karaulov A. V. *Vokrug Kremliia — 2. Kniga politicheskikh dialogov* (Moscow, 1992).
- Kariakin Yu. F. *Peredelkinskii dnevnik*, comp., intr., comm. I. Zorina (Moscow, 2016).
- Khasbulatov R. 'Perevorot sposobstvoval diskreditatsii gosudarstva', *Istoriik*, no. 7–8, 2016.
- Kravchuk L. M. *Majemo te, shcho majemo: spogadi i rozdumi* (Kiev, 2002).
- Kriuchkov V. A. *Na kraiu propasti* (Moscow, 2003).
- Latsis O. 'Gorbachev vernulsia v druguiu stranu. Ponimaet li on eto?', *Izvestiia*, 24 August 1991.
- Latsis O. R. *Tshchatel'no splanirovannoe samoubiistvo* (Moscow, 2001).
- Legostaev V. M. *Kak Gorbachev "prorvalsia vo vlast'"* (Moscow, 2011).
- Levon Ter-Petrosian *v rossiiskoi presse* (Moscow, 2018).
- Lozo I. *Avgustovskii putch 1991 goda. Kak eto bylo* (Moscow, 2014).
- Luchinskiy P. K. *Zalozhniki* (Kishinev, 1993).
- Lukianov A. I. *Avgust 91-go. Byl li zagovor?* (Moscow, 2010).
- Lukianov A. I. *V vodovorote rossiiskoi smuty (razmyshleniia, dialogi, dokumenty)* (Moscow, 1999).
- Luzhkov Yu. M. *72 chasa agonii. Avgust 1991 g. Nachalo i konets kommunisticheskogo putcha v Rossii* (Moscow, 1991).
- Medvedev R. A. *Sovetskii Soiuz: Poslednie gody zhizni* (Moscow, 2015).
- Medvedev V. A. *V komande Gorbacheva* (Moscow, 1994).
- Medvedev V. T. *Chelovek za spinoi* (Moscow, 1994).
- Melnikov I. 'Glavnoe delo — predstoiashchii s"ezd', *Pravda*, 1 August 1991.
- Nazarbaev N. 'Liubye pogranichnye pretenzii segodnia — eto neminuemoe krovoprolietie', *Nezavisimaia gazeta*, 6 May 1992.
- Nenashev M. F. *Zalozhnik vremeni: Zametki. Razmyshleniia. Svidetel'stva* (Moscow, 1993).
- Neokonchennaia istoriia. Besedy Mikhaila Gorbacheva s politologom Borisom Slavinyim*, comp. B. Slavin (Moscow, 2001).
- Onikov L. A. *KPSS: Anatomii raspada. Vzgliad iznutri apparata TsK* (Moscow, 1996).
- Ozhereliev O. I. *Idealy i prestupleniia. Noveishaia istoriia Rossii: dialektika sobytii* (Moscow, 2016).
- Pikhov R. G. *Zapiski arkhografa* (Moscow, 2016).
- Polynov M. F. *Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraia polovina 1940 — pervaiia polovina 1980-kh gg.* (St. Petersburg, 2010).
- Popov G. Kh. *Pervyi mer Moskvyy* (Moscow, 2015).
- Prokofiev Yu. A. *Do i posle zapreta KPSS. Pervyi sekretar' MGK KPSS vspominaet...* (Moscow, 2005).
- Semenova G. 'Dlia partii eto byla katastrofa', *Ogonek*, no. 37, 1991.
- Semenova G. 'My shli skvoz' stroi uliuliuikaiushchei tolpy', *Komsomolskaia pravda*, 31 August 1991.
- Shabanov I. M. *Krushenie SSSR: mify i pravda. Publitsistika, interv'iu* (Voronezh, 2014).
- Shakhnazarov G. Kh. *S vozhdiami i bez nikh* (Moscow, 2001).
- Shebarshin L. V. *Ruka Moskvyy: zapiski nachal'nika sovetskoi razvedki* (Moscow, 1992).
- Shenin O. 'Nado bylo El'tsina otpravit' v Afriku', *Tribuna*, 17 August 2001.

- Smirnov G. L. *Uroki minushego* (Moscow, 1997).
- Stankevich Z. A. *Sovetskii Soiuz. Obryv istorii* (Moscow, 2016).
- Starodubtsev V. A. *Na krutykh povorotakh sud'by* (Moscow, 2014).
- Tarasova E. A. *Poteriannaia al'ternativa: stanovlenie novoi politicheskoi sistemy Rossii v 1990–1993 gody* (St. Petersburg, 2012).
- Tarasova E. A. "Voina zakonov" RSFSR — SSSR v 1990–1991 gg.', *Nauchnyi dialog*, no. 9 (57), 2016.
- Varennikov V. I. *Nepovtorimoe. Glavnokomanduiushchii. Tragediia otechestva 1985–2000 g.*, book 6 (Moscow, 2002).
- Vlasov A. I. *Zapiski iz rukhnvshhego doma* (Moscow, 1998).
- Yakovlev A. N. *Sumerki*, 2nd ed. (Moscow, 2005).
- Yalyshev R. A. "Novoogarevskii protsess" vyrabotki novogo soiuznogo dogovora vesnoi — letom 1991 g.: federatsiia ili konfederatsiia?, *Mezhvuzovskaia nauchnaia konferentsiia "Rossiia v epokhu revoliutsii i reform: problemy istorii i istoriografii": sb. dokladov, Sankt-Peterburg. 27 noiabria 2015*, ed. V. V. Kalashnikov (St. Petersburg, 2016).
- Yalyshev R. A. *Problema novogo soiuznogo dogovora i ego roli v raspade SSSR* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2011).
- Yanaev G. I. *GKChP protiv Gorbacheva. Poslednii boi za SSSR* (Moscow, 2010).
- Yazov D. T. *Udary sud'by: Vospominaniia soldata i marshala* (Moscow, 2004).
- Zavada M., Kulikov Yu. *Dialogi s Arkadiem Vol'skim. "Poprobuite menia ot veka otorvat'..."* (Moscow, 2006).
- Zenkovich N. A. *TsK zakryt, vse ushli... Ochen' lichnaia kniga* (Moscow, 1999).

Received: January 8, 2019
Accepted: February 18, 2019